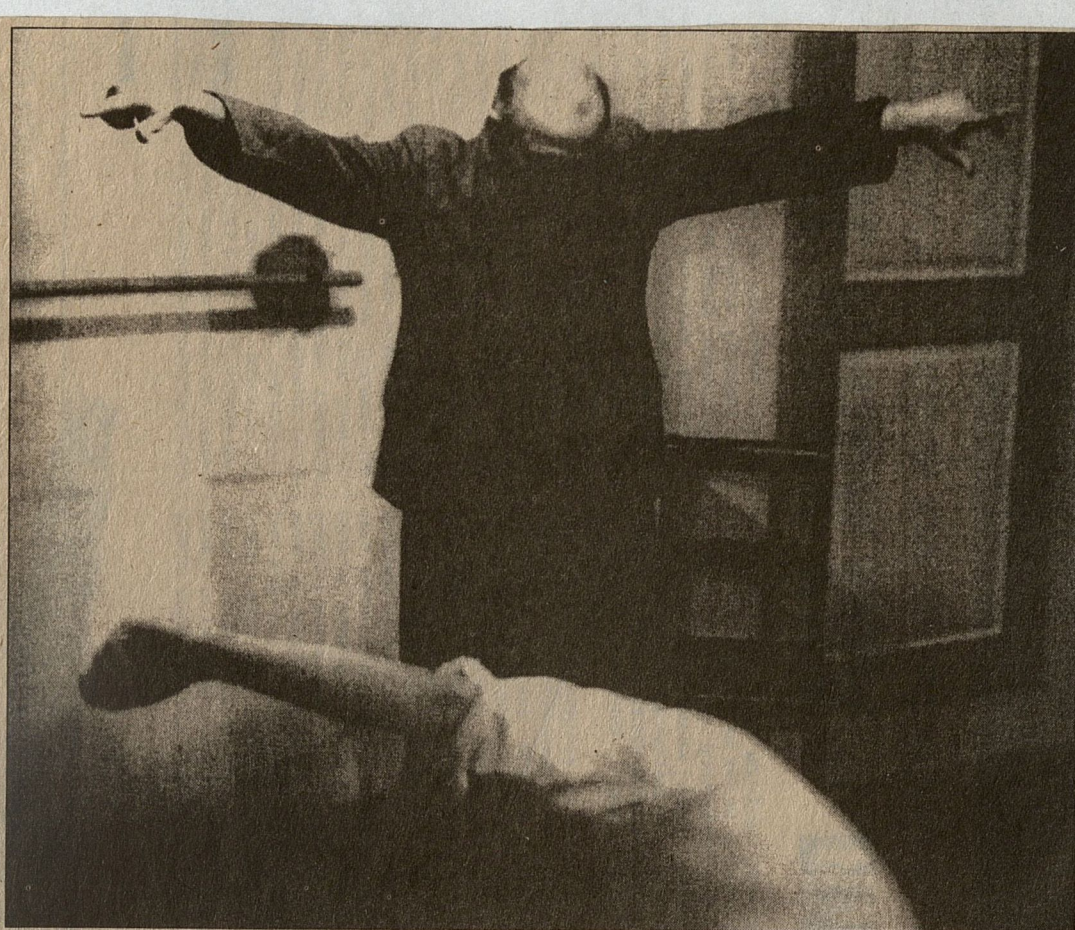

Вацлав Нижинский репетирует с Сержем Лифарём.

ТАНЦЫ НОЙМАЙЕРА

В Гамбурге закончился 26-й фестиваль «Дни балета»

Независимая газета. 2000. — 27 июля — с. 7

Екатерина Беляева

САМЫЙ раритетный летний фестиваль Германии — двухнедельные Ballett-Tage — Дни балета — в двадцать шестой раз прошли в столице ганзейской земли Гамбурге.

Американец Джон Ноймайер уже во второй сезон своего пребывания в Гамбургской государственной опере в качестве директора балетной труппы и главного балетмейстера осуществил в июне 1975 года грандиозный проект — венчающий театральный сезон балетный фестиваль. На первых Ballett-Tage были показаны репертуарные балеты Ноймайера и была выпущена премьера (это стало потом традицией). Премьерой в тот год стала «Третья симфония Густава Малера», а заключительный концерт фестиваля — «Нижинский-гала» предвзятым обращением Джона Ноймайера к зрителям, где он говорил о Вацлаве Нижинском и его значении для современной хореографии. Тот, самый первый, концерт был составлен из балетов или фрагментов балетов, в которых блистал Нижинский. Танцевала труппа Гамбургского балета и многочисленные гости фестиваля. Начиная с первого, все заключительные Гала стали носить имя Нижинского. Каждый Гала выстраивался в соответствии с заранее выбранной темой — «Танцевальный Шекспир», «Посвящение Чайковскому», «Посвящение Дягилеву», «Современная классика и классический модерн — посвящение гамбургским танцовщикам»...

Нынешние, 26-е, гамбургские Ballett-Tage были приурочены к пятидесятой годовщине смерти Вацлава Нижинского. Для Ноймайера, не только тонкого ценителя и знатока творческого наследия Нижинского, но также известного коллекционера балетного антиквариата, двухтысячный год пройдет под знаком Нижинского. Спектакль открыл 2 июля 2000 года Ballett-Tage. Практически все главные партии в этом балете о «славянском полубоге» получила немалочисленная «славянская диаспора» гамбургской труппы: Иржи Бубеничек, родившийся в Польше чех, — Вацлав Нижинский в жизни; Анна Поликарпова, бывшая танцовщица Мариинского театра, — Ромола Нижинская; Иван Урбан, белорус, — Сергей Дягилев; Отто Бубеничек, брат-близнец Иржи Бубеничека, — Нижинский-Фавн и Нижинский-Золотой раб из «Шехеразеды»; Александр Рябко — Нижинский-Видение Розы.

Хореограф выстроил гастрольный сезон Гамбургского балета так, чтобы танцовщики могли посетить места, связанные с Нижинским, — могилу на Монмартрском кладбище и театр «Шатле» в Париже, где проходили первые спектакли дягилевской труппы; церковь Сан-Микаэле в Буэнос-Айресе, где венчались Вацлав и Ромола; театр «Колон», где Нижинский последний раз выступал вместе с «Русскими сезонами»; гостиная в «Сювретта-хауз» в Сан-Морице в Швейцарии, где Нижинский станцевал в последний раз перед публикой то, что он сам называл «Венчание с богом».

Действие балета начинается в гостиной «Сювретта-хауз» в Сан-Морице — белая зала с расставленными по периметру темными стульями. Декорация передает подлинную обстановку этого дома. Ромола встречает гостей. Обычная светская суэта прерывается выходом Нижинского, который, не замечая окружающих, исполняет ему одному понятный танец «на бархатном кресте» (по воспоминаниям Ромолы, им Нижинский хотел выразить неприятие войны и людей, ее развязав-

ших). Танец заканчивается, когда появляется Дягилев — страшное и одновременно вожделенное видение-воспоминание. Биографическая линия балета развивается под музыку Шумана и Шостаковича, а для воспоминаний о ролях танцовщика используются мотивы из «Шехеразеды» Римского-Корсакова и 20-я прелюдия Шопена.

Война становится лейтмотивом балета, в ней появляются персонажи балетов Нижинского. Ллойд Риггинс, самый актерски одаренный премьер гамбургской труппы, стал в балете Ноймайера Петрушкой, что бессмысленно пытается спрятаться на открытом пространстве от надвигающихся со всех сторон вооруженных людей. Самому молодому из всей труппы премьеру — Ивану Урбану Ноймайер доверил едва ли не самую трудную партию в балете — Сергея Дягилева. Внешнее противоречие между привычной статностью от природы крупного Дягилева с его темными волосами и почти бестелесностью, утонченностью и светлыми кудрями белорусского танцовщика компенсировалось его способностью быть внутренне похожим на героя. Влюбленно и одновременно по-отечески Урбан-Дягилев наклоняется к ногам и прислоняется щекой к ступням испуганного Нижинского.

Еще одна «славянская звезда», Отто Бубеничек, был особенно выразителем в Нижинском-Фавне и Золотом рабе. В отличие от темпераментного брата-близнеца Отто от природы меланхоличен и задумчив. Ему удалось графически чисто изобразить получеловека-полуживотного, бессознательно изливающегося жалобы о несостоявшемся свидании с жестокой нимфой, — ее аккуратно станцевала Элизабет Лоскавио.

Доверенная Анне Поликарповой роль Ромолы Нижинской не насыщена танцевальным содержанием, но важна драматически. Вошедшая в труппу гамбургского балета сравнительно давно, Поликарпова продолжает занимать главствующее место. Выпускница Вагановского училища, Поликарпова не задержалась в труппе Мариинского театра, уехала в Гамбург, и вот уже шестой сезон ей удается удерживать за собой место примы-балерины.

Во второй день фестиваля Ноймайер демонстрировал свои достижения в области балетной педагогики. Специально для фестиваля был подготовлен концерт учащихся Гамбургской балетной школы. Открытая Джоном Ноймайером в 1978 году и переехавшая в 1989 году в собственное здание школа является предметом особой заботы и гордости хореографа. В отличие от российских школ, где выпускники демонстрируют прежде всего классическую выучку, гамбургские школьники показывают свои хореографические сочинения — в основном под электронную музыку.

Далее в программу фестиваля были включены старые работы Ноймайера — «Сон в летнюю ночь», «Золушка», «Бартók-картины» и «Мессия», а также балетный вечер, включающий три коротких балета — «Образы света» и «Она была черной» Матса Эка и «Ремансо» Начо Дуато — в исполнении труппы Гамбургского балета.

Завершался фестиваль грандиозным Гала «По следам Нижинского» — на нем совместными усилиями танцовщиков Гамбургского балета, солистов Английского королевского балета и всеобщего любимца Владимира Малахова были включены всеключевые партии легендарного танцовщика. Гала открывал небольшой балет Ноймайера «Вацлав» (1979). Ноймайер взял на себя смелость поставить балет, о котором думал в свое время Нижинский, но проект не был осуществлен из-за ссоры танцовщика с Дягилевым. Это

должен был быть некий барочный дивертисмент, неотъемлемая часть придворных праздников с фейерверком и иллюминацией. У не допускающего в свои балеты золото, серебро, кричащие костюмы и неестественный свет Ноймайера вышло нечто совершенно противоположное замыслу Нижинского — у него получился рафинированный балетный вечер при дворе польского короля. Изящные пары без перерыва танцевали сарабанду, менуэт, гавот, аллеманду и жигу, а на их фоне двигался молодой человек (Александр Рябко), пытаясь повторить трудные па танцующих.

Затем публике были представлены восстановленное Александром Даниловой па-де-труа из фоккинского балета «Павильон Армиды» и фрагмент из балета «Петрушка» в хореографии Ноймайера. «Видение розы» Фокина показал прославленный Владимир Малахов, премьер Венской оперы и Американского балетного театра, а с этого сезона также и хореограф (он поставил «Баядерку» в Вене). Девушкой, грезящей о Видении-Малахове, была Анна Поликарпова.

Второе отделение было отдано гастролям Английского королевского балета. «Послеполуденный отход фавна» с Иреком Мухамедовым в заглавной партии выглядел удивительно блеклым: скучные декорации, словно плохо склеенные из грубого картона аппликации, и неудачные костюмы нимф, слегка напоминающие советские пластмассовые лустры. Танцовщицы к тому же явно не понимали происходящего и оттого выглядели на сцене еще нелепее. Прекрасная форма и актерские таланты Ирека Мухамедова были не в силах бороться с общей серостью спектакля. Совсем другое ощущение оставили «Игры» Нижинского, если закрыть глаза на вопиющую «неспортивность» Брюса Сэнсома, исполнившего партию Нижинского-спортсмена.

Для украшения и разнообразия вечера в Гала включили два вставных номера — «Ленто» в исполнении английской примы Дарси Бассел и Отто Бубеничека и «Пойманный» в исполнении Владимира Малахова. Любитель танцев с компьютерными эффектами, выгодно подчеркивающими технические возможности танцовщика, Малахов собрал самые продолжительные аплодисменты и восторженные крики зрителей.

Завершался Гала длинным фрагментом из «Весны священной» Джона Ноймайера. В жертвоприношении на первом плане танцевали американка Хеве Джоргенсен, имеющая в труппе «равные» с Анной Поликарповой шансы и делящая с ней почти все партии, невероятно спортивный солист немец Карстен Юнг, выигрышно проявивший именно в этом балете, и очаровательная Нюрка Моредо, со следующего сезона переходящая в ранг солистки.

В рамках Ballett-Tage в Гамбургском музее прикладного искусства продолжается выставка «Нижинский. Танцовщик-легенда и провидец». Ее основу составили материалы из личной коллекции Джона Ноймайера, в том числе пять рисунков самого Нижинского. Датированный 1920 годом рисунок с изображением бога танца, как бы замкнутого в округлые линии, помог Ноймайеру в сцене мнимого или реального сумасшествия танцовщика.

Исправно ходящие в Оперу горожане высшим проявлением восторга даже на премьерах считают непродолжительные (5–7 минут) аплодисменты. Многие из зрителей держат в руках вырезки из газет с рецензиями на спектакли. Они подтверждают, что славянские «звезды» работают качественно. ■

Гамбург — Москва